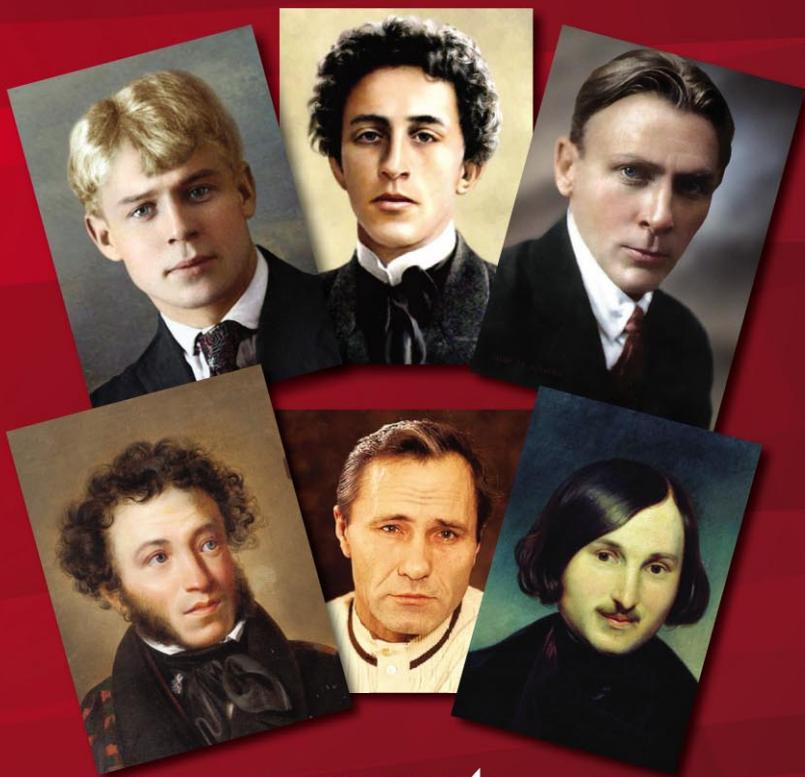

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

ПРАВО НА ДЕРЗОСТЬ

Размышления
над русской литературой XII-XXI веков

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

УДК 82.09

ББК 83.3

П 27

Переяслов Н.В.

П 27 Право на дерзость: Размышления над русской литературой XII-XXI веков / Н.В. Переяслов. — М.: Прометей, 2021. — 418 с.

ISBN 978-5-00172-069-0

Критические суждения Николая Переяслова о современном литературном процессе всегда отличались неординарностью взгляда, дерзостью мысли и остротой авторских формулировок. Собранные под одной обложкой, его статьи рисуют пёструю картину соперничающих друг с другом художественно-стилевых и идейных тенденций, наиболее ярко проявивших себя в русской литературе последних лет. Сосуществование традиционализма и постмодернизма, поиск новых литературных форм и сохранение социальной значимости творчества, баланс занимательности и духовности — вот тот примерный круг проблем, которые исследует Николай Переяслов на примере анализа «Слова о полку Игореве», а также произведений Николая Гоголя, Михаила Булгакова, Василия Шукшина, Юрия Полякова, Виктора Пелевина, Владимира Бондаренко, Юрия Кузнецова, Александра Проханова и других современных писателей. При этом его мнение далеко не всегда совпадает с мнениями его коллег по критическому цеху, а большая часть высказанных им размышлений носит остро дискуссионный характер.

ISBN 978-5-00172-069-0

© Переяслов Н.В., 2021

© Издательство «Прометей», 2021

ЗАГАДКИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ИХ РАЗГАДКИ

Литературоведческий детектив

«Как происходило то или иное событие древности? Ответить на этот вопрос никто не может. Летописи дают основное, но далеко не полно. Свидетельских показаний не сохранилось... В таких случаях неизбежно создание предположений, гипотез или даже фантазий. Они необходимы, ибо если вы не разбираетесь в событии на месте происшествия, то должна быть хоть одна гипотеза, не натыкающаяся на противоречия, не имеющая неувязок и пр.»

*С.В. Грум-Гржимайло. О битве князя Игоря с половцами.
(«Памятники Отечества», 1985, № 2)*

«Хочу еще раз подчеркнуть: я написал лишь о том, что этот памятник благовестил именно *МНЕ*; *ДРУГИМ* он, возможно, скажет *ДРУГОЕ*...»

*Геннадий Карпунин. «По мыслину древу».
(Новосибирск, 1989)*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ЧИТАТЕЛЮ

Всё началось с того, что году, эдак, в 1985-м мне в руки попала книга Андрея Леонидовича Никитина «Точка зрения», включающая в себя литературоведческое исследование, посвященное разгадыванию некоторых тайн знаменитого «Слова о полку Игореве». Будучи к тому времени уже печатающимся критиком и считая себя в определенной мере специалистом по русской литературе, я изумился: неужели же эта небольшая древнерусская поэма, которую с такой легкостью разъясняют школьные учебники, остается до сих пор кому-то непонятной? Я тут же раздобыл себе экземпляр «Слова», открыл первую страницу и... на десять прекрасных и мучительных лет перенесся в перипетии загадочного и, в общем-то, нами не известного, двенад-

цатого века. И чем больше я в него погружался, тем отчетливее осознавал, насколько искажены наши представления о том времени. Удивительно, но это так: являя собой на деле 800-летний *ГИМН ЕВРАЗИЙСТВУ*, «Слово о полку Игореве» до самого последнего времени продолжает трактоваться исключительно как *АНТИПОЛОВЕЦКОЕ ВОЗЗВАНИЕ!* Горько признаваться себе, но, будучи самой читающей страной в мире, мы фактически совсем не знаем истории своего Отечества. А там всё оказывается далеко не таким, как в школьных учебниках и монографиях ученых. Мудрые великие князья вдруг предстают ничтожными политическими интриганам. Свирепые язычники-половцы оказываются миролюбивыми дружественными соседями. Велеречивые похвалы — зашифрованными насмешками и проклятиями.

И становится видно, что не было в XII веке постоянной угрозы Руси со стороны Поля. Не было похода Новгород-Северского князя Игоря *ПРОТИВ* половцев. Не было «золотого слова» Святослава Киевского, горюющего по плененному Игорю.

А вместо всего этого было...

Впрочем, о том, *ЧТО ИМЕННО* и *КАК* тогда происходило, как раз и повествует данная работа. И какими бы невероятными ни показались высказываемые в ней гипотезы, нужно понять и запомнить главное: в масштабах истории — и русичи, и половцы — это только *РАВНОЗНАЧНЫЕ* этнические составляющие, из которых в итоге их симбиоза и сложились мы, сегодняшние русские. А значит, мы должны одинаково бережно и непредвзято относиться ко всем, кто стали нашими далекими предками. Потому что в наших сегодняшних венах течет равная доля крови *КАЖДОГО* из них...

Глава первая

ЗА ФАСАДОМ «ИРОИЧЕСКОЙ ПЕСНИ»

В трактовке официального литературоведения сюжет и фабула «Слова о полку Игореве» предстают как нечто абсолютно единое и до примитивности однозначное. Приблизительная схема «ироической песни» и описываемых в ней событий сводится к тому, что Новгород-Северский князь Игорь Святославович, якобы не успевший присоединиться к общерусскому походу против половцев, организованному незадолго до того Киевским великим князем Святославом, почувствовал свою уязвленность из-за этого, и при поддержке немногочисленных сил своего брата Всеволода, сына Владимира и Черниговского отряда ковуев под командованием боярина Ольстина Олексича предпринял самостоятельную вылазку в Степь, где и был разгромлен объединенными силами донских половцев. Основная идея первой древнерусской поэмы сводится таким образом к простой и очевидной мысли о том, что нападать на хорошо организованного соседа малыми силами неразумно, а отсюда выводится патриотический призыв к объединению, сугубо меркантильная цель которого — сделать, чтобы *«была бы чага по ногате, а кощей по резане»*, то есть **РАБЫ ПРОДАВАЛИСЬ БЫ ЧУТЬ ЛИ НЕ ЗАДАРОМ**, — прикрывается некоей смутной необходимостью защиты торговых путей через Степь, потребностью отвоения Крымского княжества Тьмуторокани и другими, столь же благородными, сколь и гипотетическими задачами, до боли напоминающими наши мотивировки ввода советских войск в столицу Чехословакии или на земли Афганистана...

На самом же деле взаимоотношения Руси и Поля были на момент Игоревы похода совсем не такими однозначными, как это изображается в школьных учебниках, и уж тем более не укладывались в привычный двучлен «хорошие русичи — плохие половцы». К указанному периоду отме-

чаемые в летописях с 1055 года русско-половецкие отношения претерпели уже несколько этапов своего развития, и если первый из них, длившийся с середины XI века до двадцатых годов XII века, характеризуется действительно высокой степенью агрессивности половцев по отношению к своим западным соседям, то в дальнейшем, по мере все большего закрепления за отдельными ордами постоянных зимовок и пастбищ, самостоятельная военная активность степняков почти полностью спадает. Но примерно в этот же период — с двадцатых до шестидесятых годов XII века — среди русских князей становится весьма распространенной практика приглашения половецких отрядов для участия на своей стороне в междоусобных войнах.

Во второй половине XII века наступает третий этап, характеризующийся «постоянным и интенсивным общением Половецкой земли с Русью» (Г.В. Сумаруков). В это время наблюдается рост торговли и числа династических браков, часть половецкой аристократии подвергается христианизации.

Трудно сказать, откуда в труды современных исследователей попало убеждение о необходимости постоянной защиты торговых путей. Лаврентьевская, например, летопись сообщает под 1186 годом, что торговые караваны могли спокойно проходить через Степь **ДАЖЕ ВО ВРЕМЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**. Подтверждения этому встречаются также в работах С. Плетневой, О. Сулейменова и некоторых других авторов. Да и об интересующем нас «бедствии, случившемся на берегах Каялы (ныне Кагальника)», узнали, как замечает в своей «Истории» Н.М. Карамзин, «от некоторых купцов, ТАМ БЫВШИХ».

Несостоятельность утверждений о необходимости постоянных опережающих тактических ударов по Полю подкрепляется, в частности, тем, что, как отметили многие исследователи «Слова» и древнерусской истории, начиная уже со второго этапа, «нет на земле Половецкой даже удалых и достаточно деятельных ханов. Изредка называет

имена ханов русская летопись, причем, как правило, не врагов Руси, а *СОЮЗНИКОВ* и *РОДСТВЕННИКОВ* того или иного русского князя».

Древнерусско-половецкие отношения, предшествующие периоду событий «Слова о полку Игореве», характеризуются вообще не столько военными столкновениями и походами, сколько мирными союзами, довольно часто завершающимися брачными связями между русскими князьями и половецкими ханами. Так, например, сын Ярослава Мудрого — Владимир Ярославович — был женат на половчанке Анне. Святополк Изяславович (внук Владимира Святого) — женат на дочери половецкого хана Тугоркана Елене. Юрий Долгорукий имел первой женой дочь половецкого хана Аепы, которая стала бабкой Игорю Святославовичу, из чего следует, что он и сам являлся частично половцем, правнуком хана Аепы. Киевский же соправитель Святослава князь Рюрик Ростиславович был женат на дочери Беглюка, сестре хана Гзака (запомним на всякий случай этот любопытный факт, он нам может впоследствии пригодиться!). Глава Черниговского дома Олег Святославович в свою очередь был женат на дочери половецкого хана Осолука, матери Святослава Северского (так что Игорь и по этой линии оказывается внуком половчанки и правнуком хана Осолука).

Владимир Мономах знал половецкий язык, мачехой его была половчанка. Андрей Боголюбский — сын Юрия Долгорукого и половчанки, дочери хана Аепы — прабабушки Александра Невского, правнука Юрия Долгорукого.

Любопытно в этом вопросе еще и то, что, по замечанию Андрея Никитина, «как ни мало мы знаем о половцах, их жизни и обычаях, мы не можем не видеть, что и сами они в своих контактах и симпатиях отдают явное предпочтение христианским народам. На половчанке — дочери Атрака, сестре Кончака и внучке Шарукана, — женился грузинский царь Давид Строитель, хотя придворная грузинская традиция строго соблюдала выбор царицы исключительно

из круга христианских народов. Вместе с родственниками жены Давид пригласил для защиты Грузии от тюрок-мусульман около сорока пяти тысяч семей половцев, которые в нескольких решающих битвах спасли страну от порабощения.

То же самое можно видеть в отношениях половцев с болгарами. Кроме постоянной поддержки половцами антивизантийского движения на Балканах, нельзя обойти молчанием беспредметный в истории факт, когда при поддержке кочевых народов было восстановлено и создано Второе Болгарское царство, первые цари которого происходили из рода половецкого хана Асеня. Всякий раз, как на Киевский «золотой стол» садился новый «великий князь», между Степью и Русью заключались договоры о ненападении — «чтобы ни ты, князь, не боялся нас, ни мы тебя не боялись». При этом, как отмечает в своей работе А. Никитин, «инициатива всегда исходила от половцев и её трудно истолковать иначе как желание степняков жить в мире с Русью». (А. Никитин. «Лебеди Великой Степи».)

И что же они получали взамен своего желанья?

Стыдно осознать, но летописи буквально пестрят известиями о коллективных походах русских князей против Поля, каждый раз с удовольствием отмечая, сколько русичи *«взяша бо тогда скоты, и овце, и кони, и вельблуды, и веже с добытком и челядью»*. Такие походы отмечаются под 1103, 1109, 1110, 1111, 1152, 1160, 1167, 1168, 1170, 1174, 1183, 1185, 1187 (трижды!), 1190, 1191 и 1193 годами. При этом последние четыре похода прямо совпадают с уходами половцев на Нижний Дунай в помощь болгарам, когда русичи без особого труда захватывали их стада и оставленные без охраны вежи.

На фоне такой резко выраженной антиполовецкой политики нельзя не отметить бросающуюся в глаза позицию основной ветви Ольговичей, в частности — Черниговского князя Ярослава и Новгород-Северского Игоря, под всевозможными причинами уклонявшихся от участия в об-

щерусских походах против половцев. Так, характеризуя Ярослава Черниговского, И.П. Еремин напоминает следующие данные из Ипатьевской летописи, под 1170 годом сообщающей такой факт: Ярослав по приказу Мстислава Изяславовича прибыл в Киев для участия в походе на половцев: послушаться Мстислава он не мог, — *«бяху бо тогда Олговичи в Мьстиславли воли»*: когда же дело дошло до битвы, Ярослав, в отличие от других князей, *«вборзе»* погнавшихся за половцами, предпочел остаться у обоза (*«у воз»*) в качестве наблюдателя за порядком. Аналогичный факт сообщает та же летопись под 1183 годом: в феврале этого года пришли половцы на Русь — *«с оканьным Концаком и с Глебом Тириевичем»*; навстречу им отправились Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславович; *«у Ольжичь»* они остановились, дожидаясь Ярослава из Чернигова; однако когда Ярослав прибыл, поход по его вине был сорван: Ярослав отказался присоединиться к князьям, предлагая отложить поход на лето.

Такую же тактику уклонения от сражений с половцами исповедовал и Новгород-Северский князь Игорь Святославович, систематически «не успевавший» или «опаздывавший» к месту сбора русских князей по приказу Святослава Киевского. Как отмечает академик Б. Рыбаков, с момента заключения Игорем Святославовичем в 1180 году союза с двумя могущественными половецкими ханами — Кончаком и Кобяком — «ни Ярослав Черниговский, ни Игорь Северский фактически не участвовали ни в одном общерусском походе против половцев, организуемом великим князем Святославом Всеволодовичем». При этом, следуя примеру Ярослава Черниговского, Игорь не просто не участвовал в антиполовецких походах сам, но старался помешать это делать и другим русским князьям, как это, например, видно из описания похода 1184 года, когда ради срыва коллективного выступления русичей в Степь Игорь вынужден был затеять ссору с Владимиром Переяславльским, доведя того до такой вспышки гнева, которая заставила его пре-

кратить свое участие в походе. «Началось небывалое в русской практике XII века, — пишет академик Б. Рыбаков, — в глубине Половецкого Поля один из русских князей откололся от всего войска и возвратился назад». Причем, заметим, возвратившись в Русь, Владимир поехал не к себе домой в Переяславль, а, как сообщает летописец, *«иде на Северские городы и взя в них много добыток»*.

Как видим, твердость позиции Игоря в отношении мира с половцами не вызывает ни малейших сомнений, коль уж он предпочел отдать на разграбление свои собственные города, но зато предотвратить вторжение русичей в пределы Степи. И даже две упоминаемые в летописях стычки Игоря с половцами никакого изменения на оценку этой позиции не оказывают, так как носят ощутимо случайный характер. Вот как рассказывает Ипатьевская летопись о встрече на реке Хирии (Хороле), произошедшей в конце февраля — начале марта 1184 года, когда после ухода Владимира Переяславльского Игорь отпустил вслед за ним и все остальные полки, а сам с небольшой дружиной проехал к русским границам, где и натолкнулся на переправлявшийся через речку небольшой отряд половцев. *«И было в ту ночь тепло, шел сильный дождь, и поднялась вода, и не удалось им найти брода, а половцы, которые успели переправиться со своими шатрами — те спаслись, а какие не успели — тех взяли в плен; говорили, что во время этого похода и бегства от русских немало шатров, и коней, и скота утонуло в реке Хороле...»*

Как можно заметить по данной записи, картина здесь вырисовывается далеко не воинственная. Конец февраля, вспученная дождями речка, через которую только что переправился половецкий табор *СО СКОТОМ И ШАТРАМИ* — значит, явно не для нападения на Русь (скорее всего, для поиска сохранившихся к этому времени года пастбищ, так как на своём берегу все уже были выедены) — и вдруг, откуда ни возьмись, появляется вооруженный отряд русичей. На берегу — паника, всадники поворачивают

лошадей и исчезают там, откуда появились, а посреди реки остаются застрявшие телеги с женщинами и ребятей, поднимаются визг, плач, отчаянные крики...

С учётом того, что для взятия такого «полона» русичам пришлось, как минимум, лезть в ледяную февральскую воду и вытаскивать уносимых стремниной половчанок на берег, думается, что воины Игоря заслуживают за эту «операцию» не столько упреков в агрессивности, сколько медалей «За спасение утопающих».

Не более воинственно выглядит и стычка Игоря с половцами на реке Мерл, где степняки, завидев русские дружины, объезжающие дозором свои границы, попросту от них *УСКАКАЛИ*...

Так что же в таком случае вынудило Новгород-Северского князя, столь упорно не желавшего портить дружественных отношений со своими степными соседями и еще в начале 1185 года в очередной раз уклонившегося от участия в общерусском военном рейде вглубь Поля, уже в апреле этого же года проделать такой же самый рейд с гораздо меньшими силами? И можно ли согласиться с общепринятым утверждением, что это был поход *ПРОТИВ* крупнейшего половецкого хана Кончака, с которым Игорь был знаком уже немало лет и который в 1181 году был союзником Ольговичей в их войне против Рюрика и Давыда Ростиславичей, где Ольговичи и половцы потерпели поражение и где погиб брат Кончака, а он сам бежал в одной ладье с Игорем к Чернигову?

Думается, причина похода должна быть какой-то совсем иной, и следы ее, скорее всего, нужно искать в той политике, которую передал в наследство Черниговскому дому еще Игорев дед Олег Святославович, наперекор агрессивным устремлениям тогдашнего Центра развивавший тенденции сотрудничества и династических браков с Полем. На половчанках, как мы уже говорили выше, были женаты и он сам, и немалая часть князей из рода Ольговичей. Таким образом уже к началу XII века во всех кня-

зьях Черниговского дома текло до трех четвертей половецкой крови, так что не просто странным, но и лишенным всякого логического обоснования выглядит бытующее на сегодня представление об Игоре в походе в Степь как о **ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ**. И дело даже не в том, что всячески уклонявшийся от войн с половцами, он скорее пошел бы на определенные жертвы для себя, как это было год назад в случае с Владимиром Переяславльским, чем нарушил завещанную дедом Олегом тактику. Ему, решишь она на подобную затею (т.е. на выступление **ПРОТИВ** половцев), не дали бы этого сделать еще и остальные Ольговичи, без поддержки дружин которых поход в Степь был бы равнозначен самоубийству.

Вспомним же: когда в феврале 1185 года Святослав Киевский звал Черниговского князя Ярослава для совместного похода против Кончака, тот ему ответил: *«Аз есмь послал к ним мужа своего Ольстина Олексича, а не могу на свой муж поехать»*. А уже в апреле того же года отряд ковуев этого самого Ольстина Олексича сопровождает дружину Игоря и его сына Владимира в Степь... Не к обусловленному ли во время недавних переговоров с Кончаком месту встречи? Если нет, то Ольстина Олексича необходимо признать откровенным изменником, вступившим в преступный сговор с ханом Кончаком, решившим вдруг за что-то уничтожить своего свата Игоря, а самого Игоря и весь Черниговский дом придется заподозрить в каком-то внезапном слабоумии, подтолкнувшем умудренных богатейшим жизненным опытом князей к дешевой мальчишеской аванюре со своими степными родственниками.

Если же следовать логике и соединить одной линией посольство Ольстина Олексича к Кончаку и последовавшую вслед за этим экспедицию Ольговичей в Степь, то надо признать, что акция Игоря носила не военный характер и осуществлялась по предварительной договоренности с самим Кончаком. И если мы вспомним, что еще за несколько лет до роковой весны 1185 года Игорь **ПРОСВАТАЛ**

своего сына Владимира за дочь хана Кончака Свободу, то и вопрос о сути переговоров с ним Ольстина Олексича, и вопрос о цели неожиданного похода в Степь самого Игоря Святославовича и его юного сына Владиммира перестанут таить в себе какую бы то ни было тайну, ибо станет ясно, что это — продолжение все той же политики династических браков, которую завещал своим потомкам Олег Святославович. Встретившись с Кончаком и обсудив место и время предстоящей свадьбы, Ольстин Олексич возвратился в Чернигов, чтобы 23 апреля, приняв на себя роль проводника, эскортировать свадебный поезд к обусловленному месту. Некоторое смущение в такую модель прочтения событий вносит только не совсем уместный вроде бы для свадебного похода патетический пафос речей Игоря в начале поэмы — с этим его высоко-патриотическим, хотя и не имеющим логических предпосылок, выкриком: *«лице жъ бы потяту быти, неже полонену быти»*, переводимым как «лучше быть убитым, чем пленным»; — но имеется достаточно понятное по-человечески объяснение и для этой патетической фразы, хотя, может быть, и не совсем в той плоскости, в какой мы привыкли смотреть на «Слово», видя в нем только образец сугубо воинской поэзии. Именно в угоду этой концепции современные ученые, сами признавая тот факт, что «нет никаких данных о враждебности Игоря к Кончаку, а также о враждебных действиях Кончака против своего верного (с 1180 года) союзника и своего свата Игоря» (Б. Рыбаков), продолжают, исходя из чисто внешней воинской атрибутики поэмы, сводить мотивировку поспешного выхода Игоря в Поле его стремлением нанести внезапный удар в самую глубину Половецкой земли и, прорвавшись к Керчи, возвратит себе принадлежавшее некогда Ольговичам Тьмутароканское княжество.

А как же союз Игоря Святославовича с Кончаком, о котором Б. Рыбаков сказал, что «это была вековая семейная традиция Ольговичей»?.. К сожалению, большинство комментаторов «Слова» видят в Авторе поэмы и её персонажах

одних только идеологов и стратегов, забывая, что это были самые обычные живые люди, подверженные различным страстям и слабостям. Так, приводимый украинским исследователем поэмы Степаном Пушиком гороскоп князя Игоря, в частности, говорит, что «он плохой семьянин, так как *РЕВНИВ*, вспыльчив, гневлив и груб». Понятно, что ревность в контексте истории черта не такая привлекательная для исследователя как чувство патриотизма, но именно она является тем импульсом, который заставил Игоря, не дожидаясь лета и не обращая внимания на тревожные знамения неба, снарядить свадебный поезд и двинуться через враждебное Поле к месту, где должно было состояться бракосочетание Владимира с Кончаковной. А виновником этой ревности была не кто иная, как знаменитая «плачущая» Ярославна, на которой Игорь Святославович женился за год до похода, в 1184 году, после смерти первой жены. В 1185 году Ярославне было шестнадцать лет, так что, с учетом того, что мачеха оказалась практически *РОВЕСНИЦЕЙ* своему пасынку Владимиру, нетрудно представить себе ту взрывоопасную ситуацию, в которой, как пишет Л. Наровчатская, «минул год со дня свадьбы Ярославны, когда она в свадебном платье с беглыми рукавами вошла в дом Игоря». Ежедневная вынужденная близость молодых людей друг к другу, встречающиеся за столом взгляды, случайные касания, без которых не обойтись, живя под одной крышей, — это именно из-за них «спалъ князю умъ по хоти» (то есть «сжигало князю ум ревностью по супруге»), причем фраза, как почти каждое выражение в «Слове», имеет, по замечанию Павла Мовчана, «многоэтажный» смысл, говоря одновременно как о терзаниях Игоря по поводу собственной жены, так и о его постоянном размышлении над поиском невесты для сына.

О самом же факте того, что женитьба Владимира была делом предрешенным, говорит то, что «молодой княжич выехал к отцу из Путивля, только что полученного им в удел, что неизменно предшествовало *СВАДЬБЕ*, которая,

таким образом, завершала выделение юноши из семьи и свидетельствовала о его самостоятельности и независимости» (А. Никитин).

О не военной цели Игорева похода говорит и тот факт, что Ярославна ждала возвращения экспедиции не в городе мужа — Новгород-Северске, где должна была находиться, ожидая его с войны, а в городе сына (ведь Владимир все же официально считался ее сыном) — в Путивле, где она могла находиться только в одном случае — если бы ожидала прибытия туда невестки, то есть возвращения свадебного поезда уже не в дом отца, а в дом сына, где и предстоит жить молодым после *СВАДЬБЫ*. Считать же, что она в Путивле скрывалась от опасности половецкого набега, как это допускает в работе «Великий путь» Д. Лихачев, не представляется возможным по той причине, что это равносильно тому, чтобы после разгрома наших войск у Бреста бросаться скрываться из Москвы куда-нибудь в западную Белоруссию...

Но что же за политический результат таила в себе эта затея со свадьбой, завершись она благополучно? Почему, как отмечает А. Косоруков, в поэме, где «тридцать пять древнерусских князей названы и охарактеризованы, а двадцать — изображены», лики всех участников этой «уникальной портретной галереи обращены к Новгород-Северскому князю Игорю Святославовичу»?..

Оценивая сложившуюся на момент похода ситуацию, Б. Рыбаков пишет: «Прочный союз Черниговского княжества (Ярослав) и Северского (Игорь) с восточной “Чёрной Куманией” Кончака мог привести к сложению устойчивой коалиции — Ольговичи плюс Шаруканиды; территория такого союзного объединения была бы огромна: на западе она начиналась бы в семидесяти километрах от Киева (Моравийск — Козелец) и у водораздела Днепра и Дона; на востоке доходила до притоков Волги, а на севере достигала бы подмосковного Звенигорода. От Звенигорода она про-

стиралась на юг до Керченского пролива и древней Тмуларакани...»

Понятно, что появление такого могущественного государственного образования рядом с Киевом свело бы на нет и без того с превеликим трудом сохраняемое главенство Киевских великих князей в политической и экономической жизни Древней Руси. Ведь и так Святослав Киевский, являясь номинально «*великим и грозным*» князем всей Руси, представлял из себя фактически беднейшего аристократа, которому по уговору с его дуумвиром Рюриком Ростиславовичем, взявшим себе города и земли Киевщины, принадлежали только сам город Киев, воинская дружина да право восседать на «*отнем златом столе*», что давало ему более политического, нежели реального капитала. Так что «на самом деле, — как констатирует Д.С. Лихачёв, — Святослав был одним из самых *СЛАБЕЙШИХ* князей, когда-либо княживших в Киеве».

(При этом следует учесть, что наличие самой многочисленной на Руси дружины и отсутствие достаточной экономической основы для ее содержания делали жизненно необходимым для Святослава Киевского сохранение состояния постоянной войны со Степью. Ведь только играя на патриотических чувствах князей и на декларируемой необходимости защиты Руси от половцев, он мог еще хоть как-то удерживать свою власть над рассыпающейся на удельные княжества державой. А для этого было необходимо ни в одной из областей тогдашней жизни не дать исчезнуть представлению о половцах как о «чуме XII века», несущей Руси постоянную угрозу её существованию.)

«Образ врага», как замечает Л. Наровчатская, это универсальный способ сплотить «массу» на «подвиг», и этот образ, как видим, рожден задолго до нашей «холодной» войны.

Вместе с тем, если для Святослава лично такие походы против Поля являли собой еще и один из основных источников прибыли, а потому были и желанны и выгодны, то

для властителей удельных княжеств награбленное в половецких вежах добро уже не перевешивало собой той экономической выгоды, которую давало бы им использование занятых в походах людей на мирном поприще. Так, например, Ипатьевская летопись под 1185 годом сообщает о том, что *«Великий князь Святослав Всеволодович отправился в Карачаев и собирал в Верхних землях воинов, намереваясь на всё лето идти на половцев к Дону»*, что было равнозначно срыву всех сельскохозяйственных и строительных работ в собственных княжествах, поскольку для похода *НА ВСЁ ЛЕТО* нужно было увести в Степь едва ли не всё мужское население трудоспособного возраста. И если большинство князей, уступая авторитету прежней славы Киева как общерусского Центра, еще не противоречили политике Святослава в отношении Поля, то Ольговичи, как отмечает Автор «Слова», уже *«доспели на брань»*, — то есть на проведение собственной линии в русско-половецких отношениях, основанной на добрососедских контактах и родстве, и ведущей, как отмечал цитированный выше Б. Рыбаков, *«к сложению устойчивой коалиции — Ольговичи плюс Шаруканиды»*.

Понятно, что для Святослава успешное завершение брачной экспедиции Игоря в Степь означало бы полное фиаско его политической линии, а стало быть, и самого существования. И без того, как отмечали авторы книги *«Древнерусские княжества X—XIII вв.»* (М., 1975), *«существование прочерниговских группировок и партий в Киеве, Новгороде, Галицко-Волынской, Полоцкой и Рязанской землях свидетельствовало не только о претензиях черниговских князей на общерусское господство, но и о наличии в древней Руси конца XII — первой половины XIII веков кроме центробежных еще и центростремительных тенденций»*, так что достаточно было одной удачной дипломатической акции Игоря Святославовича, и авторитет Черниговского дома и его политики выбивал бы последнюю опору из-под и без того шаткого трона Святослава Киевского в пользу Ольговичей.

В свете всего сказанного вызывает некоторое подозрение и организованная Святославом во время Игорева похода поездка через Черниговские земли, где он явно хотел убедиться, что Игорь действительно отправился в Поле. Не случайно ведь его роль в трагическом разгроме Игорева полка вызывает прямые подозрения в предательстве у многих современных «Слово»-ведов, даже и без «свадебной гипотезы» увидевших враждебное отношение Святослава к Игорю. «Очень возможно и такое: узнав о походе Игоря, именно Святослав *ДАЛ ЗНАТЬ ОБ ЭТОМ ПОЛОВЦАМ*, поскольку крупная победа Новгород-Северского князя и его овладение Тмутараканью могли пошатнуть великокняжеский престол», — открыто говорит исследователь поэмы Б. Зотов. Так что побудительные мотивы к предательству у Киевского князя были действительно весомые и, по-видимому, Игорь о них догадывался, не случайно же он, как отмечает Б. Рыбаков, «готовил свой поход *ТАЙНО ОТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ*» и «больше боялся выявления своего похода *РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ*, чем *СВОИМ СВАТОМ* Кончаком».

Если же вспомнить, что дуумвир Святослава Рюрик был женат на сестре хана Гзака, как раз и осуществившего коварное нападение на свадебный поезд Игоря, то обвинение Святослава в предательстве покажется далеко не бесосновательным. Более того: на фоне всего вышесказанного в ином свете воспринимается и тот факт, что, узнав от ехавшего через место схватки (!) купца Беловода Просовича весть об Игоревом поражении, Святослав, якобы для оборонительных целей, срочно посылает в его земли войско во главе со своим сыном. Подозревая возможность захвата оставшегося без руководства Новгород-Северского княжества, срочно собирает свои полки и Ярослав Черниговский, но не ведет их ни к границам с Полем, ни к Киеву, куда его пытается направить Святослав, а держит при себе, словно выжидая, как поведет себя на Игоревых землях сын Святослава Киевского...

К счастью, хотя Святославу и удалось запятнать торжество Игоревой политики трагедией на Каяле, сам князь и его сын остались живы, и после поручительства подоспевшего к месту ЧП свата Кончака свадьба Владимира Игоревича и Свободы Кончаковны все-таки состоялась. И более двух лет, пока Владимир находился в стане своего тестя Кончака, на половецко-русских границах стояло затишье...

Такова вкратце последовательность тех событий, которые стали фабулой для первой древнерусской поэмы XII века. А теперь давайте перечитаем ее и посмотрим, насколько этим событиям соответствуют сюжет и поэтика самого текста, а тем более — нашего сегодняшнего их понимания. Итак, начнем с названия:

«Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святославля, внука Ольгова».

Необычность именно такого названия поэмы в ряду светских произведений XII века обращала на себя внимание почти всех, кто занимался изучением этого памятника. «Поражает название — «Слово о полку Игореве», — замечал по этому поводу популяризатор поэмы Евгений Осетров. — Слово, повесть или песнь не о князе Игоре, а о его полку... В литературе двенадцатого века нет схожего названия... Наверное, в условиях нормативных представлений это выглядело неожиданно новаторски...»

Как показывают современные комментарии к «Слову», подлинная суть этого, подмеченного Е. Осетровым, новаторства оказалась не до конца постигнутой еще и сегодня, хотя, назвав свой труд «Великое *ДЕЯНИЕ (ПОДВИЖЕНИЕ)* князя Игоря», американский исследователь Р. Якобсон подошел почти вплотную к коду понимания и названия, и всей поэмы. Ведь помимо лежащего на поверхности истолкования слова «полк» как «поход, война, войско или дружина» оно значит еще и «множество, толпа, собрание, народ в целом, все люди рода, которые в нужное время составят воинскую когорту... В бытовом смысле оно

долго сохраняло общую идею совокупной множественности не только лиц, но и предметов, отсюда народные выражения «налетел полк девок» или былинное «а ты женского полку».

Еще более определенно толкует слово «полк» В. Аникин, приводящий его следующую расшифровку: «Древнерусский брак, помимо брака «умыкания», имел и другую форму — выкупа за “вено”. Старинная песня “А мы просо сеяли, сеяли” говорит о возможности выкупа:

- Не надо нам тысячу, тысячу.
- А что же вам надобно, надобно?
- Нам надобно девицу, девицу.
- А мы дадим вам девицу, девицу.

Игра завершалась переходом девицы из одной партии в другую. В песне пелось:

- А у нас в *ПОЛКУ* убыло, убыло.
- А у нас в *ПОЛКУ* прибыло, прибыло.

Слово “полк” в древнерусском языке означало не только “рать”, “войско”, “ополчение”, но и вообще всякое объединение людей, достаточное для выполнения каких-либо совместных действий. Таковы, в частности, *ПОЕЗЖАНЕ*, дружки жениха или *ЖЕНИХОВ ПОЛК*».

Справедливость такого прочтения слова «полк» подтверждается и традиционными приговорами дружки к родителям невесты, приводимыми в книге М. Забылина «Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия»: «Отец родимый! мать родимая! у нас князь молодой, ясный сокол со всем *ПОЛКОМ*, со всем поездом...»

Здесь же, как видим, присутствует и известное нам по «Слову о полку» уподобление князя — соколу.

Таким образом, вынесенное Автором в заголовок слово «*плъкъ*», помимо фиксации имевшего места реального

сражения, могло служить еще и как обозначение более глубинного смысла Игорева деяния, подтверждая тем самым наше предположение о свадебной сущности поэмы, а одновременно и оконтуривая понятие общности единомышленников границами рода Ольговичей, исповедовавших политику дружбы и добрососедства в отношении Степи. В этом случае понимание слова «полк» выходило за рамки чисто внешнего мероприятия Игоря, а должно было бы читаться как «Слово об Ольговичах» или «Слово о главном деле жизни Ольговичей», что точнее, ибо женитьба Владимира Игоревича на дочке хана Кончака была по своей сути лишь одним из составных звеньев той политики, которую проводили внуки Олега Святославовича. Об этой, определяющей для понимания смысла поэмы, связи Игоря с его дедом — Олегом говорит, по наблюдению А. Косорукова, и сделанная в названии именная привязка «*внука Ольгова*», подчеркивающая, что «сфера деятельности внука и деда *ОДНА И ТА ЖЕ*».

И так же, как «*ветры — Стрибожи и Внуци*», беспрекословно подчиняясь, выполняют волю «деда», выполняет волю Олега и Игорь — крепит контакты с Полем. Ну, а кроме этого, столь пышное поименование князя в названии поэмы восходит опять-таки к традиции обрядово-свадебной поэзии, величавшей своих персонажей не иначе как по имени-отчеству:

1.

Ах, кто у нас умен
Кто у нас разумен?
Как Иван-то умен,
Максимиыч разумен...

2.

Долго, долго Василий не едет,
Долго, долго Григорьевич не едет...

3.

Она выбрала себе жениха,
Она честного и речистого,
Она белого и разумного,
Чернобрового, черноглазого,
Да Михайлу Ефремовича,
Али ой ли! Ефремовича...

В такой же самой традиции выдержано употребление имени-отчества и в названии первой древнерусской поэмы: «Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Ольгова». И все оно настолько пронизано свадебной символикой, настолько следует схемам свадебных ритуалов, что может быть безо всякой натяжки отнесено к такой разновидности обрядовой поэзии как вьюнишные песни или вьюнишники.

Вьюнишные песни — это текстовая часть старинного свадебного обряда поздравления молодых в первую послесвадебную весну. При этом нас не должна смущать кажущаяся внешняя разница в объемах и ритмах «Слова» и самих вьюнишников, как не смущает нас выставленное Н. Гоголем в подзаголовке «Мёртвых душ» слово «поэма». Несмотря на выбранную Автором форму вьюнишника, его произведение все же не предназначалось для распевания под окнами молодых, как не предназначалась для декламации и Гоголевская поэма. Необходимо в полной мере уяснить себе тот факт, что Автор «Слова о полку Игореве» был не просто талантливым поэтом своего времени, но на несколько столетий обогнал его, показав себя подлинным революционером в области развития поэтического искусства. Увы! Но, начиная уже с момента появления «Слова», противники Ольговичей стали делать все возможное, чтобы древнерусский читатель воспринял поэму исключительно в воинском смысле — и, как показывает эхо «Слова» в «Задонщине», усилия их были не безуспешными.

А между тем, сопоставление поэмы с наиболее распространенными вьюнцами помогает взглянуть и на памятник, и на сопутствовавшие ему исторические события в весьма новом свете, позволяющем увидеть в нем то, что было скрыто за шорами традиционного истолкования. Прочтем же «Слово», сравнив его со строением и мифологической символикой вьюнишных песен, традиционно мифологические символы которых соотносили брачный ритуал со всем космосом языческих представлений об устройстве мира, как, например, в приводимых ниже текстах:

...Под вершиной деревца
Соколы-то гнезда вьют — они яйца несут,
А они яйца несут, молодых детушек ведут!
Посередь-то деревца пчелы ярые сидят,
Пчелы ярые сидят, много меду надышат,
Ах, много меду надышат,
Про нас квасу насытят!
У комля-то деревца дубовые столы стоят,
Дубовые столы стоят — звончатые гусли лежат.
Ах, кому в гусли играть, все поигрывать?
Ай, вот играть ли не играть
Молодому с молодой.
Молодому с молодой,
Сыну Сергеюшке, сыну Николаевичу,
Еще тешить — утешать молодую свою жену...

Или же:

Как в вершине тех дерев
Соловей гнездо свивал,
В середине тех дерев
Пчёлы гнезда вьют,
Во комлях тех дерев
Горностаи гнездо свивал...

Как видим, оба примера (а их можно было бы привести гораздо больше!), пускай и в упрощенном виде, но довольно точно передают собой схему конструкционного строения поэмы в проекции на традиционные представления славян о мировом древе. Этот образ имел достаточно широкое распространение в славянских представлениях о мироустройстве и носил вполне определенную локализацию основных символов семейного очага на различных своих частях: соловей и соколы помещались на его вершине или рядом, пчелы яры — в середине, а в корнях, у подножия, «во комли-то деревца — кровать нова тесова». Примерно такие же символы являются излюбленными мотивами многих жанров народного искусства, донесших свои традиции вплоть до наших дней. И в художественной вышивке, и в живописи многих областей присутствуют те же дерево-цветок со сказочной птицей в ветвях или на вершине, а по сторонам этого дерева-цветка или у его основания — то всадники, то нарядный кавалер с барышней... Всадник — это тоже образ выюнишных песен, которые «часто начинаются с описания выезда героя из дома на коне», что показательно и для «Слова о полку Игореве», непосредственное действие которого начинается в соответствии именно с этой традицией:

Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремянь
и поеха по чистому полю...

Обращают также на себя внимание и такие детали, как наложения символов мирового дерева во выюнцах — на «мысленое древо» в «Слове», соловья во выюнцах — на соловья-Бояна в «Слове», ярых пчел — на жужжащие и жалящие стрелы каяльской битвы, которыми «прыщет» в поэме не кто-нибудь, а именно «ярый» тур Всеволод. То же самое — и с символом горносталя возле комлей выюнишных песен, накладывающегося на образ убегающего из плена Игоря, который «поскочи горностаемъ къ тростию», и с вопросом «Ах, кому в гусли играть?», разросшимся в за-

чине поэмы до полемики с творческим методом Бояна, и со многими другими символами.

Естественно, композиционные требования поэмы и те цели, что стояли перед ее Автором, были гораздо сложнее, чем при сочинении коротеньких вьюнишных песенок, ведь «Слово» являло собой совершенно иной, новый — и новый не только для XII века, но и, как мы увидим в дальнейшем, для всей русской литературы вообще — жанр поэзии. И тем не менее, в основе этого жанра, матрицей для возведения его архитектуры явился именно древнейший обрядово-бытовой комплекс свадьбы, элементами которого служат помимо различных песнопений еще и заговоры, присказки-приговоры, загадки, драматические сценки с ряжением и некоторые другие слагаемые. Все это, если взглядеться, имеется и в «Слове о полку Игореве»: вспомним хотя бы заговор-плач Ярославны, величальный диалог-заговор Игоря с Донцом, припевки-присказки Бояна и самого Автора, загадку сна Святослава, а также «драматические сценки с ряжением», проведенные через всю поэму при помощи использования образов половецких тотемов-зверей, да плюс в рассказах о «превращениях» князя Всеслава в волка и в сцене побега из плена самого князя Игоря, становившегося то горностаем, то белым гоголем...

Хочется еще и еще раз подчеркнуть: переключка «Слова» с обрядовой свадебной поэзией звучит настолько явно, что не замечать ее можно только в силу какого-то умысла. Ну чем, к примеру, не матрица для всего содержания поэмы такой вот образец свадебных песен? —

Не бывать бы ветрам, да повеяли,
Не бывать бы боярам, да понаехали,
Траву-муравушку притолочили,
Гусей-лебедей поразогнали,
Красных девушек поразослали...

Тут, как видим, почти та же самая схема, что и в строках «*Не буря соколы занесе через поля широкая*», вообще